

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

Георгий Иванов. Фото. Апрель 1958 г.

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Санкт-Петербург,
Москва
Нестор-История
2021

Редакционная коллегия:

А. С. Кушнер (*главный редактор*),
К. М. Азадовский, Н. А. Богомолов,
А. К. Жолковский, А. Л. Зорин, А. В. Лавров,
И. Н. Сухих, Р. Д. Тименчик

*Вступительная статья, составление,
подготовка текста и примечания*
А. Ю. АРЬЕВА

Издание третье, исправленное и дополненное

ISBN 978-5-4469-1783-9

© Арьев А. Ю. вступ. статья, состав., прим., 2021
© Издательство «Нестор-История», 2021

«ПОКА ДОГОРАЛА СВЕЧА»

(О лирике Георгия Иванова)

...Таков поэт, — и ты презрел поэта!..
Тютчев

1

Романтический миф, особенно значимый для поколения Георгия Иванова, — это миф о том, что оно последнее, закатное поколение уходящей русской культуры. Именно предчувствуя и свидетельствуя о конце, оно жаждало всяческих начал. Его жизнестроительство все сплошь выросло из эсхатологических переживаний, и его культура осуществилась как своего рода «вариация от темы конца». Подобного рода вариацией звучала, по выражению Ю. Н. Тынянова, венчающая эту культуру блоковская поэма «Двенадцать».

Это и на самом деле было свидетельство о конце — того, что мы называем «Петербургским периодом русской истории».

Иначе и определенной говоря, это был декаданс.

Но декаданс замечательно бравурный, с чертами «бури и натиска»¹. Он лелеял в себе образ Возрождения, и в самый момент падения обретал крылья. «Опустись же. Я мог бы сказать — взвейся. Это одно и то же», — ставит Георгий Иванов эпиграф из Гете к «Распаду атома».

В подводящей под эпоху черту «Переписке из двух углов» Михаила Гершензона и Вячеслава Иванова последний спрашивает и отвечает: «Что такое *décadence*? Чувство тончайшей органической связи с монументальным преданием былой высокой культуры вместе с тягостно-горделивым сознанием, что мы последние в ее ряду»².

По свидетельству Н. Н. Пунина, у основателя любимейшего Георгием Ивановым журнала «Аполлон» Сергея Маковского подобные переживания выражались в еще более аффектированной форме: «Мы — последние; мы иронизирующие, но с глубокой любовью к самим себе и гордостью аристократов духа! <...> Такого рода суждения были в те годы общим местом», — заключает Пунин³.

Это так. Еще до того как обозначился кризис символизма, до возникновения футуризма и акмеизма главное было сказано и свершено. «Мы — последние поэты», — совсем не праздно заявил Виктор Поляков, поэт, публично сведший счеты с жизнью в 1906 году на парижской площади Трокадеро.

¹ См. одноименную статью Осипа Мандельштама.

² Вячеслав Иванов и М. О. Гершензон. Переписка из двух углов. Пб., 1921. С. 29.

³ Н. Н. Пунин. Воспоминания (Архив наследников Н. Н. Пунина).

И любимый герой, принц этой культурной эпохи, Александр Блок мыслил себя «тупиковой ветвью» своего рода.

И Владимир Маяковский — футурист, «будетлянин» — убивался: «С небритой щеки площадей / стекая ненужной слезою, / я, / быть может, / последний поэт».

И от залиvistого Сергея Есенина до полусумасшедшего Тихона Чурилина неслось: «Я последний поэт деревни...», «Я — гений убитого рода, / Убитый, убитый...»¹

Назвав себя в конце жизни «последним из петербургских поэтов»², Георгий Иванов утвердился в роли «закатного поэта» позднее других и окончательней, на самом деле став блистательным певцом навсегда оставленного балтийского взморья и северо-западных небес:

Балтийское море дымилось
И словно рвалось на закат,
Балтийское солнце садилось
За синий и дальний Кронштадт.

И так широко освещало
Тревожное море в дыму,
Как будто еще обещало
Какое-то счастье ему³.

«Время поэзии прошло» — так мыслили русские поэты со времен Евгения Баратынского. И так они перманентно мыслят до сегодняшнего дня. Тем сладостнее Георгий Иванов, вполне разделяя это представление, утверждал наперекор веку и судьбе: кроме поэзии, ничего в мире не остается такого, ради чего в нем стоило бы «мыслить и страдать».

Геorgia Иванова приводила в трепет великая иллюзия, квинтэссенция петербургского мифа — видение парадиза над бездной⁴.

¹ Тихон Чурилин. Весна после смерти. М., 1915. С. 63.

² Георгий Иванов. Закат над Петербургом // Георгий Иванов. Собрание сочинений. В 3 т. / вступит. статья Е. В. Витковского; сост., подг. текста, коммент. Е. В. Витковского, В. П. Крейда, Г. И. Мосешвили. Т. 3. М., 1994. С. 470. Все сноски на это издание в дальнейшем даются с указанием названия цитируемой работы, номера тома и страницы.

³ Стихи Г. И. цитируются по настоящему изданию. Лирический герой этого ст-ния — «последний из петербургских поэтов» вдвойне. Это и сам Г. И., морем — навсегда — покидающий в 1922 г. Петроград, и поэт Леонид Каннегисер, убиwвший в 1918 г. Председателя петроградской ЧК Моисея Урицкого. В «Петербургских зимах» первой строфой ст-ния автор завершает рассказ о том, как Каннегисера, заключенного в кронштадтский каземат, возили в Петроград катером на допросы и, возможно, увезли на расстрел. Таким образом, даже в пейзажном ст-нии просматривается тема «последнего поэта».

⁴ О петербургском мифе в литературе см.: В. Н. Топоров. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003.

Вопрос о ценностях петербургской культуры возник для него едва ли не раньше вопроса о ценности собственного существования.

Поэт родился на берегах Немана, но о нем смело можно написать: «...родился на берегах Невы». Если иметь в виду рождение *поэта*, утверждение нисколько не ложное.

Родился Георгий Владимирович Иванов 29 октября (10 ноября по новому стилю) 1894 года в имении Пуки Сядской волости Тельшевского уезда Ковенской губернии¹ — через несколько дней после смерти Александра III в Крыму. Дюжего императора с недюжинным апломбом («Когда русский царь удит рыбу, Европа может подождать») сменил его не слишком красноречивый, склонный к добродетелям сын.

В другом веке и в другой стране Георгий Иванов засядет за «Книгу о последнем царствовании», исполненную безысходной трезвости в оценке любимой им «странной любовью» монархической России.

Книга осталась незавершенной — в добром духе всех значительных начинаний, требующих от нас кропотливого труда.

¹ Биографические статьи и словари долгое время местом рождения поэта называли поместье Студёнка в Ковенской губ., о котором «со слов мужа» красочно написала Ирина Одоевцева в книге «На берегах Сены». Некогда имение Студенки (Студзёнки, Studeńki, Studzionki) входило в состав владений, принадлежавших князьям Радзивиллам, затем Витгенштейнам (о них, с ошибкой в написании фамилии — «Вингенштейны» — упоминает Одоевцева) и Гогенлоз. Во времена, нас интересующие, имение называлось Студёнка («Студіонка») и было приписано к Новоградскому уезду Минской губ. Скорее всего, в этом поместье на реке Уше Г.И. в детстве не только бывал, но и жил. В 1899 г., как установила Татьяна Зенн, его купил отец поэта. Одоевцева приводит легенду о посещении имения Адамом Мицкевичем, живописавшим его так: «Ева потеряла рай, / Но нашла его в Студенках». Это апокриф (в академическое полное издание Мицкевича он не включен). Возникновение его в местах, где польский поэт бывал (он родился неподалеку в Новоградке), характерно и возможно восходит к существовавшему в реальности тексту. Имение Пуки как место рождения поэт указывал в биографической анкете 3 ноября 1952 г., опубликованной Вадимом и Верой Крейдаи («Новый журнал». Нью-Йорк, 1996. Кн. 203—204), и в письме 18 апреля 1956 г. Юрию Иваску: «Я родился <...> в имении Пуки, Россиенского уезда Ковенской губернии 29 октября 1894 г. по ст. стилю» (Шестнадцать писем к Юрию Иваску // Вопросы литературы. 2008. Ноябрь — Декабрь. С. 294). Дата подтверждена разрысками Татьяны Зенн, нашедшей в архиве церкви Святой Троицы в Россиенах метрическую запись от 29 ноября 1894 г. о крещении Г.И., родившегося 29 октября. Россиене — древний и сравнительно большой в XIX в. город на северо-западе Ковенской губ. Однако в Россиенском уезде имения Пуки или Пуке (также Пуке-Барше — по ближайшему населенному пункту Баршеце) не было, оно находилось в соседнем, Тельшевском. Географическая погрешность Г.И., спутавшего Тельшевский уезд с Россиенским, объяснима (см. *Tatjana Senn. Georgij Ivanov. München; Berlin; Washington, 2013*, а также ее статью «Легенды и документы»: Звезда. 2014. № 11). Имение принадлежало дворянскому роду Бренштейнов, родственников матери поэта, урожденной Бренштейн.

«Он считал, что журналистская работа вредит поэту, а он прежде всего считал себя поэтом. К тому же, — написала о Георгии Иванове его собственная жена, — он был безгранично ленив, а проза, не в пример стихам, давалась ему с трудом, даже когда он был всецело увлечен темой»¹.

От самого поэта можно было услышать признания не менее откровенные: «Сам я <...> неврастенический лентяй, проживший всю жизнь, ничего не делая и ни о чем не заботясь»².

Тому же адресату он однажды написал и еще хлеще — о своей «неприспособленности к умственному труду»³.

«Царя в голове не имеется <...> Вообще я в сущности способен писать только стихи. Они выскакивают сами. Но потом начинается возня с отдельными словами. Удовольствия от писания вообще не испытываю ни "до", ни "после"»⁴.

Ясно, что подобные откровения простака совсем не просты. Между строк тут написано: поэтом я быть не тщусь, я «богов орган живой» и не писать стихов не могу — они диктуются свыше.

Случай Георгия Иванова говорит не о патологии, а о романтической русской хандре, презрении ко всем земным благам и целям. Определяемым между тем изначальным наличием благ — и немалых.

«Я пришла сюда, бездельница...» — написала Анна Ахматова в царскосельских стихах 1911 года. И напечатала их в журнале с превосходным для подобной декларации названием: «Новая жизнь».

Заостряя тему, осмелимся произнести: и вся культура «серебряного века» выросла из одного грандиозного метафизического безделья. Из «тайномудрого безделья», по слову Михаила Кузмина. Не потому ли всем ее адептам «мешал писать», по изумительно точному ощущению Александра Блока, Лев Толстой, апологет труда? И не потому ли так холоден оставался к ним практикующий врач Чехов? Дело тут не в трудолюбии того или иного автора (Брюсова, например, справедливо названного Цветаевой «героем труда»), дело в головокружительной попытке *творчества из ничего*, в стремлении к целям, лежащим за границами человеческого опыта.

2

Изнурившая императорский дом двенадцатилетняя канитель — с 1905 по 1917 год — пробел между двумя историческими эпохами, заполнена, может быть, наиболее загадочным образованием русской культуры, получившим наименование «серебряный век».

От мнений «высшего света» он уже не зависел, а домашняя простота вкусов Николая II и его близких ему была и подавно чужда.

В одном из описаний Гатчинского дворца (в 1910-е годы его занимали великие князья) рассказывается, что все его внутреннее

¹ Ирина Огоевцева. На берегах Сены. М., 1989. С. 188.

² Письмо к Роману Гулю от 9 авг. 1954 г. // Георгий Иванов. Ирина Огоевцева. Роман Гуль. Тройственный союз (Переписка 1953 — 1958 годов) / публ., сост., коммент. А.Ю. Арьева и С. Гуаньелли. СПб., 2010. С. 137. В дальнейшем ТС — с указанием страницы.

³ Письмо к Роману Гулю, начало июля 1954 г. // Там же. С. 117.

⁴ Письмо к Роману Гулю от 8 авг. 1955 г. // Там же. С. 235 — 236.

замечательное убранство было практически уничтожено: ампи́рные гарнитуры свалены в чуланы, ореховая мебель закрашена белой краской (под «модерн»), а на стенах жилых комнат висели картинки, вырезанные из «Огонька»!

Возможно, это крайний случай. Но это та «достоевская» крайность, что слишком ясно дает знать о типическом.

В годы последнего царствования культура перестала быть заинтересованной во власти, оказалась свободной от нее, свободной от сотрудничества с ней. Ее неуправляемый взлет чреват был страшным понижением авторитета власти, до Николая II в России традиционно высокого.

Культура «серебряного века», признавая демократизацию имманентно (и воспользовавшись ею в полном объеме), трансцендентно против «нового порядка» сразу же и взбунтовалась, начала создавать еще более замкнутую, чем в недавние времена, систему духовных ценностей искусства; искусства, хотя и не желающего уходить от демократии, так зато устраняющегося в ее рассеянном свете от жизни в целом, от простоты и теплоты органического бытия. Возникает новое — и мучительное — элитарное сознание, попытка культурного творчества, отбрасывающего установления реальной жизни с ее реальным иерархическим строем ради ценностей неосязаемых, зато «реальнейших».

Культура «серебряного века» антиномична по природе: борясь за свою свободу и всячески поддерживая свободы гражданские, культура эта также борется за свой эзотеризм, а тем самым за возможность быть репрессивной по отношению к профанному окружению. Она и приобретает это репрессивное (в духовном, разумеется, плане) элитарное качество, следствие ее изначальной революционности. Что и заставляет ее вновь оказаться в оппозиции к внешнему миру, как только сам этот мир становится репрессивным, то есть восстанавливает (в России — с приходом к власти большевиков) иерархическую, подавляющую свободу структуру общества. Подчиниться ей или ее принять значило — погибнуть.

Такие люди, как Александр Блок, любили гибель «искони», потому что мыслили себя *последними в ряду*. Слишком поздно они увидели: большевики считают *последними* не себя, а *других*.

Очень важно уловить достаточно обособленный, сепаратный характер существования культуры, *последним поэтом* которой мыслил себя в эмиграции Георгий Иванов.

Повторю: *являясь детищем общемирового процесса демократизации и признавая в социальном плане естественную необходимость и неизбежность этого процесса, в духовном отношении культура «серебряного века» противилась ему.*

«Несмотря на демократические и социалистические устремления в политике, — писал Федор Степун, — культура жила своей интимной аристократической жизнью...»¹

Теоретически и символизм, и акмеизм, и футуризм создавали новую, захваченную бытием модель жизни-культуры, чаяли «связи

¹ *Федор Степун*. Вячеслав Иванов // Лидия Иванова. Воспоминания. Книга об отце. Paris, 1990. С. 374 — 375.

свободного соподчинения» во всех родах искусств, воплощения мифа как осуществленного «Fiat» — «Да будет!..»¹

Трагический парадокс этой культуры в том, что она же свидетельствовала о погружении века во тьму. Все нездешние порывания и стремления притуплились, по выражению Александра Блока, «блезноу века, начинающемся fin de siecle»². Прямее говоря — чувством и приятием гибели.

Самонадеянное «Да будет!..» вывело не к свету, а к закату, к возмездию: «...мировой водоворот засасывает в свою воронку почти всего человека; от личности почти вовсе не остается следа, сама она, если остается еще существовать, становится неузнаваемой, обезображенной, искащенной. Был человек — и не стало человека, осталась дряная вялая плоть и тлеющая душонка»³.

Эти слова Блок обращал и к себе.

Доблесть Георгия Иванова состоит в том, что он эту правду признал сполна, а признав, не отказался от «дрянной» личности, сумел извлечь из «тлеющей душонки» череду надмирных гармонических созвучий.

Подобные переживания неординарны и на самом деле эзотеричны. Но как раз благодаря своей эзотеричности культура «серебряного века» уцелела до наших дней и на наших глазах, понятая как единое метафизическое целое, приобрела все черты того самого, берущего дыхание у мировой культуры и открытого проблемам современности *большого стиля*, по которому тосковала. Ни символизм, ни акмеизм, ни футуризм, взятые порознь, на такую высоту претендовать не могут.

В мировой поэзии «серебряный век» имеет аналогию, конечно, не с мифическими «золотым» и «серебряным» веками, но с Римом времен Тацита, Сенеки, Марциала — с его «серебряной латынью».

Это необязательное сравнение важно в том смысле, что весь русский «серебряный век» жил любовью к далековатым ассоциациям, основной эстетической мерой избрал категорию «соответствий», был насквозь цитатен. Он искал путей к априорным, от века данным истинам. И в то же время навряд ли сыщутся ценности, не подвергнутые «серебряным веком» сомнению, им не осмеянные.

Сравнение с пушкинским «золотым веком» нашей культуры корректно лишь в том смысле, что «серебряный век» вновь вывел на авансцену поэзию, воскресил романтический дух, утраченный позитивистской, утилитарной идеологией второй половины XIX века. В остальном же типологическое сближение пушкинской эпохи с временем эсхатологического модернизма начала XX века сомнительно, так же как наименование «серебряный век»⁴ не адекватно самому явлению.

¹ Вячеслав Иванов. Борозды и межи. М., 1916. С. 143.

² Александр Блок. Возмездие // Александр Блок. Собрание сочинений в 8 т. М.; Л., 1960 — 1963. Т. 3. С. 298. В дальнейшем — А. Блок с указанием тома и страницы.

³ Там же.

⁴ Почти исчерпывающие сведения о возникновении термина «серебряный век» и анализ вкладывавшихся в него смыслов содержатся в книге Омри Ронена «Серебряный век как умысел и вымысел» (М., 2000). Автор считает этот термин безнадежно расплывчатым

Напрашивающимся сравнением с «золотым веком» оно подчеркивает вторичность явления, в то время как прямых аналогов в русской культуре не имеет. Из чего не следует, что корни его лежат вне России. Коллективное бессознательное этой культуры как раз сугубо русское, до чрезвычайности отзывчивое, готовое ассимилировать в себе (равно как и «бросить с парохода современности») любое чужое слово. Но в первую очередь это культура, выработавшая свой язык для хитросплетений *своей*, ни с чьей другой не сравнимой драмы. К описанию ее коллизий лучшие слова нашел Борис Пастернак:

Вас чествуют. Чуть-чуть страшит обряд,
Где вас, как вещь, со всех сторон покажут
И золото судьбы посеребрят,
И, может, серебрить в ответ обяжут¹.

Сказано это в приветственном послании Валерию Брюсову, корифею не названного еще тогда «серебряным» и никак не равного «веку» исторического промежутка. 1923 год, *finita la commedia*, пьеса завершена. Но название к ней еще не придумано.

Вопрос, поставленный «серебряным веком», звучит так: спасает человека культура или не спасает? То есть возможно ли положительное преобразование жизни на фундаменте культуры? Символизм и футуризм видели в жизнестроительстве цель, акмеизм ее из программы исключил, но все три течения вдохновляются этой проблематикой как исходной.

Символисты ощущали себя пророками, нашедшими в искусстве адекватную форму своим теургическим озарениям. Правда, тем самым пророков они низводили до ранга поэтов, что Блок, например, переживал как падение.

Но то, что для Блока и Вячеслава Иванова — печаль, для их учеников стало радостью и освобождением. Чуждая априорной мистике молодая редакция «Аполлона», поддержанная Брюсовым, обнаружила, что «живой язык богов» уже давно обрел свою земную эстетику, усвоен и переработан культурой. И дело поэта в первую

и вводящим в заблуждение. Ронен солидаризируется с Романом Якобсоном, мнение которого и приводит: «понятие» «серебряный век» — «неверное и вульгарно искажающее характер этого века, который был великим веком художественного эксперимента» (С. 122). После исследования Ронена остается, однако, открытым вопрос, почему термин «серебряный век» — при всей его искусственности — привился? И, видимо, окончательно. Может быть, дало о себе знать элементарное чувство меры и хронологическая близость явления? И мы в характеристике эпохи, драгоценность которой для истории русской культуры так или иначе сознаем, с удовольствием заменяем помпезное золото на корректное серебро? При этом все-таки компенсируя снижение в определении повышением в статусе: два десятка лет именуем «веком».

¹ Борис Пастернак. Стихотворения и поэмы. В 2 т. / предисл. В. Н. Альфонсова; сост., подг. текста и примеч. В. С. Баевского и Е. Б. Пастернака. Т. 1. Л., 1990. С. 215. (НБП).

очередь — культурное, а не теургическое. Художественное творчество вне культурной рефлексии невозможно.

Так было расчищено место для акмеизма, открывшего в храме Логоса цех поэтов, но самого святилища не покинувшего.

И в акмеизме, и в футуризме реализованы исключительно символистские потенции и интуиции.

Если акмеисты оказались бунтующими столичными детками символистов, то футуристы — их провинциальными духовными детьми. Ибо футуризм есть, по определению, «пророчество», реализованное через «самовитое слово» заполнивших столицы «будетлян».

Конечно, футуристы полагали себя не последними, а первыми (символисты ведь изначально тоже утверждались в этом качестве). Но о главном молчали: для того, чтобы ощутить начало, надо прежде всего осознать конец. В известном смысле футуристы пошли еще дальше символистов — по ими открытому пути. Старшие изнемогали от эсхатологических предчувствий, от переживания разлада с «мировой душой» и т.п. Младшие, почуяв конец определенного типа культуры, возрадовались: предки изжили себя и исторически, и, главное, метафизически — их вечность рухнула, «Бог умер». И я теперь «пришел сам». Рывок в пустоту не мог не опрокинуть их в лоно родимого хаоса, к языку, к язычеству, к примитиву, к младенческому словотворчеству, к пылкой юношеской ангажированности идеологией новаторства¹.

Жизнестроение в культуре «серебряного века» оборачивались жизнекрушением. Этот отрицательный опыт в перспективе XX столетия раскрыл себя как доминирующий экзистенциальный опыт творца. Он универсален и прямо связан с условиями пребывания личности в современном мире.

Религиозно-философским девизом этой культуры были слова: «a realibus ad realiora» — «от реального к реальнейшему», эпитафия к трагедии культуры «серебряного века».

Отвечая на вопрос поэта: «Кто уловил тот миг, когда за бытием / Иное бытие раскроется нежданно?»² — можно было повредиться умом, что и случилось с простодушным лирическим героем «Поэмы в тонах» Владимира Пяста как раз в пору литературного дебюта Георгия Иванова. Вскоре он посвятил Пясту стихи о «Бродячей собаке», но в печати посвящение снял: мгновение кануло, лик поэта затуманился, осталось его подобие, образ лунатика с неподвижным белым лицом³.

На опасном метафизическом миге сфокусировано все искусство «серебряного века», в том числе искусство Георгия Иванова. Один из немногих, он готов был признаться — и признавался:

¹ О мироощущении футуристов см.: В.Н. Альфонсов. Поэзия русского футуризма. СПб., 1999. (НБП).

² Вл. Пяст. Встречи. М., 1997. С. 200.

³ Характерная черта эфемерных дружб людей «серебряного века». Пяст в мемуарах при всей своей неотмирности о Г.И. отзывался совсем неподобающим образом: расценил как «лакейство» естественный восторг юноши перед старшими по возрасту «настоящими» поэтами, в круг которых попал из-за школьной парты.

«реальнейшего» в искусстве не обнаруживается. Оно подменено «соответствиями», вспышками ослепительного — и потому себе довлеющего — озарения. В искусстве сущее проявляет свою конечность, не переходя в существование.

Скрытый источник стремительно нарастающего в зрелые годы трагизма лирики Георгия Иванова — в этом переживании.

3

На мистические откровения людям «серебряного века», по круговому молчаливому согласию, не возбранялось ссылаться как на данные реального опыта. Вот и Георгию Иванову тайна поэзии, ее очарование открылись в сомнамбулическом видении: петербургской ночью в спальной кадетского корпуса неизъяснимой красоты голос прочитал для него единственного, для его внутреннего слуха «Выхожу один я на дорогу...»

С тех пор его лирика находилась под знаком этого стихотворения. Несколько умозрительно мистическое чувство материализовалось у Георгия Иванова в первых же стихотворных опытах, в лирике с сюжетами об иноческом послушании и причастностью тайнам «небесной горницы».

Ненавязчиво Георгий Иванов причислял себя к тому «уходящему навсегда» типу поэтов, с которыми все еще творятся чудеса. Стихи живут прежде всего отсветом «нездешнего события». Сам поэт называет это дополнительное измерение «действительным чудом поэтической "вспышки"». Поэтому главное для него в искусстве не *что*, и не *как*. Главное — «*frisson inconnu*»¹ — нечто «схожее с майской грозой»². Рефлексия, заданная всем новым искусством, символизмом прежде всего. «Из жизни медленной и вялой / Я сделал трепет без конца», — утверждал Брюсов («Золото», 1899).

При такой постановке вопроса *как* проваливается в *что*, уничтожая собственную формальность и открывая путь трепещущей внутренней, более содержательной, чем внешняя, гармонии. О ее превосходстве было известно еще древним.

Необходимый для свободного развития отроческий искус сказать «последнее слово» в области прекрасного, искус спонтанного новаторства Георгием Ивановым овладел рано, но избавился он от самовитых иллюзий и слов на удивление безболезненно.

Название первого сборника стихов Георгия Иванова «Отплытие на о. Цитеру» прямо отсылает в прошлое, к началу XVIII века, к переложенной Василием Тредиаковским «забавным слогом» отечественного рококо «Езде во Остров Любви», эротической аллегории Поля Тальмана. Но прежде всего, разумеется, к шедевру Антуана Ватто. И в этом смысле можно говорить о «новом рококо» Георгия Иванова, «в духе "Галантных празднеств" Верлена»³. Рококо, имитирующем не столько

¹ «Неведомый трепет» (*фр.*) — слегка остранинное выражение Виктора Гюго из письма Шарлю Бодлеру (1859). У Гюго — «*frisson nouveau*» («новый трепет»).

² Борис Поплавский. «Флаги» (рец.). Т. 3. С. 532 — 533.

³ Е. Эткинд. Кризис символизма и акмеизм // История русской литературы. XX век. «Серебряный век». М., 1995. С. 432.

Верлена (вдохновлявшегося в названном цикле 1869 года живописью Ватто), сколько манеру самого «мастера галантных празднеств».

Не имея в кадетском корпусе особенных успехов в языках (все же французский шел лучше немецкого), Верлену юный поэт в ту пору предпочел Северянина, о чем говорит подзаголовок сборника — «Поэзы». Жанр скорее «галантерейный», чем «галантный». О самостоятельности содержания стихов «Отплыть на о. Цитеру» говорить тоже не приходится. Лучшее, что в них есть, так это «...наивно-простодушный вкус, напоминающий некоторых художников "Мира искусства", например, Борисова-Мусатова...»¹

Тогдашняя критика отозвалась на сборник адекватно его достоинствам: «Небольшой мир, раскрываемый в этой книге, только спутник старшей планеты — поэзии Кузмина. <...> Умение по-новому сопоставить и оживить уже привычные образы, способность к скульптурно-красочной передаче зрительных восприятий, все эти качества — верное оружие, на которое можно положиться. Хочется верить, что Георгий Иванов не посвятит его пышной забаве турниров, а найдет в себе решимость поднять его для завоеваний»².

В «Отплыть на о. Цитеру» Георгий Иванов страшится обнаружить свою детскость, неопытность, стремится писать стихи как взрослый, потихоньку списывая с чужих полотен. Все-таки в 1911 году он избыточно юн. И все его «шкуры тигровые» вперемежку с «дозорными скелетами», качающимися на мачтах, никак не в состоянии скрыть этого от читателя — при всем прилежном «мастерстве» автора. А оно все-таки было. Исследовавший «Отплыть...» стиховед Ю. Б. Орлицкий пришел к выводу: по метрическому разнообразию этот сборник превосходит любую книгу лирики того времени.

Поразительно, что даже по этим «стекляшкам», как отозвался о своих ранних стихах сам автор, Гумилев распознал у него «безусловный вкус». Так же, впрочем, как и «какую-то грациозную "глуповатость" в той мере, в какой ее требовал Пушкин»³. Определение было бы более точным без упоминания имени Пушкина, но, видимо, трудно иначе написать о «глуповатости» юноши-поэта, не оскорбив пробудившееся дарование.

Особенно сегодня забавно представить автора «Распада атома» в образе мечтательного пастушка, проводящего жизнь в буколических удовольствиях:

Я, гимны томные наигрывая,
Пасу мечтательно стада.

(«Мечтательный пастух»)

Нежный юноша, по ночам пасущий стада среди «платанами обрамленных» прудов, в которые «луна роняет янтари», выуженные в чужих

¹ *Вагим Крейд*. Петербургский период Георгия Иванова. Tenaflly, 1989. С. 25.

² М. Л. <Лозинский>. Рец. // Гиперборей. 1912. Вып. III. С. 29 — 30.

³ Николай Гумилев. Сочинения: В 3 т. / подг. текста и примеч. Р. Д. Ти-менчика. Т. 3. М., 1991. С. 102.

стихах, увлекся нарочитой северянинской грациозностью, равно как и томной расслабленностью изощренного в утехах Михаила Кузмина, со всем отроческим безрассудством. Он уловил в этой сладковатой атмосфере какой-то лад, близкую ему по духу мелодию. У отвергнутого позже Сергея Городецкого в том числе.

Городецкий занял воображение Георгия Иванова раньше других новых поэтов начала века, еще в кадетском корпусе. «Туманное октябрьское утро. На деревьях иней <...> После постели и утреннего завтрака — чай, булка, ролик масла — в бушлатах на дворе неуютно, и шея невольно уходит под стоячий воротник с пришитой к нему внутри черной тряпочкой, заменяющей галстук. Руки засунуты в карманы, благо офицер-воспитатель где-то далеко <...> Мы недалеко от правых футбольных ворот. Ходим, пересекая плац, параллельно воротам. Жорж смотрит на меня "маленького" с высоты своего роста — ближе к правому флангу — и снисходительно роняет, картавя и пришептывая, непонятные, но внушающие почтение и "священный трепет" слова-заклинания:

Стоны, звоны, перезвоны,
Перезвоны, звоны, сны,
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены...

— Это Сергей Городецкий, — говорит он с загадочной улыбкой, и мне непонятно — восхищается ли он этим набором звонких слов или смеется над ним», — вспоминает его однокашник¹.

Он же утверждает: Георгий Иванов был, «...как все мы, из той же средней офицерской среды»². Его отец Владимир Иванович Иванов (1852 — 1907), «из полоцких дворян», никакой особенной карьеры не сделав, сорока девяти лет с чином подполковника ушел в отставку по состоянию здоровья и занялся хозяйственными делами.

Сам поэт любил вспоминать иное: «голубого Левицкого», «саженные вазы императорского фарфора»³, украшавшие его детство в провинциальном дворянском гнезде, что придавало завидных красок его биографии. Нет полной уверенности, что играл он среди них в собственном доме, но родственников у него было много. «Дворяне — все родня друг другу», — нелживо обмолвился Блок в «Возмездии». Так что «саженные вазы», изготавливавшиеся на Императорском фарфоровом заводе в 1830 — 1840-е годы и преподносившиеся от имени Николая I обласканным им лицам — к ним принадлежал и прадед поэта по материнской линии генерал Василий Иванович Бренштейн (1802 — 1856), — в имениях предков поэта красоваться могли.

¹ Александр Перфильев. Георгий Иванов // Новое русское слово. Нью-Йорк, 21 сент. 1958.

² Там же.

³ Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov: 1955 — 1958. Köln — Weimar — Wien, 1994. S. 70. Для настоящего издания письма сверены с оригиналами — по ксерокопиям, любезно предоставленным их публикатором Хансом Роте (Hans Rothe).

«Если желаете знать, кто мои папа-мама — отвечу цитатами — сначала из Лермонтова: “обыкновенные русские дворяне” и продолжая Стендалем: “жизнь им улыбалась, и потому они не были злы”»¹, — так, с несколько витиеватой торжественностью реагировал Георгий Иванов на прямой вопрос о родителях. Со стороны отца — так оно и было. Только, вот, кончилось плохо.

Судя по ранней прозе поэта и мемуарам Ирины Одоевцевой, а теперь и по документам, кропотливо собранным Татьяной Зенн, имение, где Георгий Иванов родился, сгорело в конце XIX — начале XX века. О своем родовом гнезде он пишет: место, где «прошли все летние месяцы моего детства и юности» (курсив мой. — А.)². Все известные письма юного Георгия Иванова в Петербург помечены не именем Пуки и не Студёнкой, а почтовой станцией Гедройцы под Вильной³, верстах в пятидесяти от которой находилось еще одно имение, купленное отцом в 1902 — 1903 годы: Сорокполь (Sorokpolis). Имение, понятно, не «родовое», и на его месте теперь — пустырь.

Связь с литовской родиной сохранялась у Георгия Иванова до 1922 года, года отъезда за границу. Он даже намеревался «оптировать» литовское гражданство. Но столь же примечательно, что в годы эмиграции, часто бывая в Латвии, на родине жены, за соседней Литвой поэт наблюдал как транзитный пассажир — из окон автомобиля.

Рассказывалось и о каких-то ивановских пращурах-крестоносцах (с материнской стороны), выходцах из Голландии, а сам поэт сообщал, что у генерала Василия Бренштейна на крестинах его сына Михаила, деда поэта, присутствовал (или даже стал крестным отцом) император Николай I⁴. Это не совсем так, но покровительствовали Василию Бренштейну и император, и его брат Михаил. Последний и считался крестным отцом его детей. Приехавший в Россию из Германии, отец николаевского генерала Иван Осипович Бирбрауэр фон Бренштейн⁵ (1746 — ок. 1825), на русской службе занимал высокие должности, в том числе с 1796 по 1802 год был «директором на всей Литве» по «основанию и перестройке почтового дела по образцу российскому», когда и приобрел имение Пуки-Барше.

¹ Там же.

² Там же. S. 71.

³ См., например, письма к А.А. Блоку и А.Д. Скалдину в РГАЛИ (Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 34 и Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 52).

⁴ *Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe...* S. 70.

⁵ См. о нем: *Татьяна Зенн. Легенды и документы* // Звезда. 2014. № 11. С. 141 — 142. Одоевцева пишет фамилию на голландский манер, называя мать поэта баронессой Верой Бир-Брау-Брауэр ван Бренштейн (см. *И. Одоевцева. На берегах Сены*. С. 166; у Одоевцевой вместо «Брауэр» — «Браурэр»). Версия легкомысленная. Если сочетание «Бир-Брау-Брауэр» перевести на русский, то из всей аристократической звучности образуется смехотворный смысл, такое, приблизительно, словцо: «Пивоваровариха». В Нидерландах подобной аристократической фамилии не было и быть не могло. Хотя пивовары там в чести — вспомним портреты Франса Хальса. Благодарю за эти сведения Кейса Верхейла (Kees Verheul).

Вполне в духе эпохи поэт стилизовал свою биографию, размывал ее контуры, дабы живописнее обозначилось литературное лицо.

Много значивший для юного Георгия Иванова Михаил Кузмин первый свой сборник «Сети» открывает достаточно цветистым стихотворением «Мои предки»:

Моряки старинных фамилий,
влюбленные в далекие горизонты,
пьющие вино в темных портах,
обнимая веселых иностранок...

В дальнейшем ему случалось о своей родословной фантазировать еще замысловатей.

Как раз с Кузмина (а не с эгофутуристов, как часто утверждается в литературе о Георгии Иванове) и началась собственно литературная выучка юного поэта, в его руки он был отдан. Сохранилась и соответствующая записка Сергея Городецкого от 14 сентября 1910 года: «Дорогой Михаил Алексеевич. Позвольте рекомендовать вниманию Поэтической Академии молодого поэта (пятнадцати л<ет>) Георгия Владимировича Иванова...»¹

Насколько Кузмин поразил воображение юного стихотворца, ясное представление дает анкета П.Я. Заволокина 1915 года. «Пушкин и Кузмин», — твердо выводит Георгий Иванов в графе «Какие писатели оказали наибольшее влияние»².

Стоит напомнить и еще об одном важнейшем для Георгия Иванова соблазне — генеалогии Блока с его пращурами, выходцами из Германии...

Приватное знакомство с Александром Блоком и Михаилом Кузминым, покровительство Георгия Чулкова и Сергея Городецкого, а в кадетском корпусе благожелательное внимание самого К.Р., начальника и инспектора военно-учебных заведений, все это несомненно возбуждало желание утвердить себя в высоком кругу, что поначалу лучше всего осуществлялось в поэтических видениях.

Настойчиво цитировалось в исследованиях о Георгии Иванове одно из его ранних «биографических» стихотворений «Беспокойно сегодня мое одиночество...» (1914). В центре его — фигура колоритная:

Мой прапрадед Василий — не вспомню я отчества —
Как живой, прямо в душу — глядит с полотна.

Темно-синий камзол отставного военного,
Арапчонок у ног и турецкий кальян...

И дальше — уже совсем «точная», только что из «семейного архива», ужасающая подробность:

¹ См.: Н.А. Богомолов, Джон Э. Малмстаг. Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. М., 1996. С. 288.

² РГАЛИ. Ф. 1068. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 1.

Тихий призрак встает в подземелье замученной
Неповинной страдалицы — первой жены.

В общем, наводящая на сравнение со старинным дворянским бытом и культурой картина: «Портреты предков на стенах и печи в пестрых изразцах». Причем картина, обращающая нас к веку русских императриц, если не к петровскому времени: поместить «арапчонка у ног» невымышленного персонажа в России художники могли только в ту эпоху. Но этот же запоминающийся персонаж и выдает подлог: арапча изображались лишь в императорской свите. Или уж у ног такого вельможи, родословную которого, а не только отчество, не зная его прямому отпрыску было бы никак не возможно. Не «прапрадед», легче уложившийся в размер стихотворения, чем в биографию поэта, но упомянутый прадед Василий Бренштейн несомненно существовал и даже окончил тот же 2-й кадетский корпус, где потом неудачно учился его правнук. С 1852 года в чине генерал-майора, он состоял под судом, но осужден не был, хотя в ноябре 1853 года «по собственному желанию» ушел в отставку. Возможно, протекция великого князя помогла. Женат он был на Констанции Федоровне Хомской (Георгий Иванов называет ее в одном из писем графиней «Ганской»). Она надолго пережила мужа и не подходит на роль «неповинной страдалицы». В 1852 году у них уже давно были дети, в том числе родившийся около 1836 года дед поэта Михаил Бренштейн, отец его матери Веры Михайловны. Сведений о «первой жене» не имеется. «Василий» с портрета, держащий «в закорузлой руке — серебристого пенного круглый ковш...» — несомненная стилизация. С пенным в руке, думается, трудно глядеть «прямо в душу»: вино прольется.

Наглядевшись живописи в столице (некоторое время, еще в корпусе, будущий поэт был сильно увлечен красками и считал потом, что оставил занятия ими напрасно) и имея незаурядного наставника в вопросах искусства и русского XVIII века, каким был для него Николай Николаевич Врангель, специалист в области русских древностей, сотрудник «Аполлона» и известный мастер пастиша (его, вместе с Александром Блоком, Василием Розановым и Зинаидой Гиппиус, поэт до смерти числил среди лиц, неотвратимо занимавших его воображение), составить «портрет предка» по образцу доступных изображений Георгия Иванову труда не составило.

Лирическое переживание напрямую связано у Георгия Иванова со зрением. Поэт тот, чей беглый взгляд нечаянно выхватывает мгновенную суть вещей из лежащего рядом, общедоступного, в том числе — из уже запечатленного в искусстве.

Экспозиция не менее четверти ивановских стихов начинается с фиксации попавшегося на глаза предмета или детали пейзажа. Эта беглая точность по природе своей дискретна, что прямо отражается на поэтическом синтаксисе. Его особенностью, выделяющей Георгия Иванова из всех русских поэтов, является прерывистость фразы в первой же строчке стиха. Вот типичные зачины его лирики: «Ветер с Невы. Леденеющий март...», «Вот елочка. А вот и белочка...», «Все туман. Брожу в тумане я...» И так далее — независимо от хронологии написания. И первое напечатанное стихотворение поэта — того же типа:

«Он — инок. Он — Божий...» Автор настаивает на точке даже там, где естественнее было бы поставить запятую: «Только звезды. Только синий воздух...» И т. п. Не означает ли это, что целостность для Георгия Иванова лишь сумма обособленных фрагментов? Сюжет же стихотворения, напротив, состоит в том, чтобы представить фрагмент метонимией целого.

Заимствованные атрибуты славного былого существенны для уяснения эстетической установки поэта более, чем для его биографии.

С юных лет отличавшийся особым даром переимчивости (остережемся говорить о ней сразу как о «всемирной отзывчивости», характерной русской национальной черте, если верить Достоевскому), Георгий Иванов в стихотворении «Беспокойно сегодня мое одиночество...» не столько своей родословной занимается, сколько улавливает движение качнувшейся в сторону живописи лирики 1910-х годов. При его написании побочные импульсы могли исходить от стихов же — от «Старого портрета» Ахматовой (1910) с лукавым негром, стерегущим покой «надменной дамы», так же как от еще более явного образца — гумилевских «Туркестанских генералов» (1913), да и от других стихотворений соответствующего типа¹. Не будем неявным подменять явное: фабула пьесы развивается из впечатлений сугубо живописных. Личные склонности поэта с самого начала счастливо совпали с общей тенденцией развития лирики.

Тут важно признать одну особенность психологии творчества поэтов «серебряного века»: сюжетные заимствования чем-то предсудительным среди них не считались, наоборот, по ним можно было догадаться о включенности автора в ту или иную художественную школу. Заимствования были признаком взаимодействия с ней. И ни в коем случае не признаком несвободы. По простому выражению Ахматовой, о подобном взгляде на творчество (как систему взаимовлияний) в ту пору «не задумывались»². К опробованным сюжетам художник скорее стремился, чем бежал их: сделать то же самое, что другой, но лучше, эффектней — вот торжество. Тысячелетняя практика живописи и иконописи служила Георгию Иванову подспудной порукой верности его метода. В состязании, в соперничестве выявляется мастерство творца, а не его зависимость от авторитета. Больше того: эзотерическая отмеченность сюжетов была знаком причастности к тайнам, знаком посвященности в святая святых нового искусства.

Художественный метод Георгия Иванова развился из подобной психологической установки, обоснован ею и развит стремительнее и безусловнее всех в его литературном поколении. (В том числе Мандельштама, чья подтекстовая и контекстовая рефлексия превосходит в разнообразии и разноплановости все мыслимые пределы.)

«Дворянское происхождение и примесь иностранной крови — слишком характерные особенности биографий лучших русских

¹ Н. А. Богомолов считает, что ст-ние Г. И. — «сколок» с «Семейных портретов» из вышедшей в 1913 г. книжки Бориса Садовского «Пятьдесят лебедей» (см.: Русская литература. 1990. №3. С. 51).

² См.: П. Н. Лукницкий. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 2. Париж — М., 1997. С. 114.

поэтов, чтобы не быть отмеченными и в данном случае»¹, — пишет о Георгии Иванове Вадим Крейд, ссылаясь на рассказы Ирины Одоевцевой о крестоносцах и на отставного убийцу «неповинной страдалицы», живописно вклеенного в семейную хронику. Боюсь, что на торжественный вывод исследователь слишком был наведен самим поэтом и его женой — тоже поэтессой. «...Люди, привыкнув о чем-нибудь слышать, свыкаются со слухами как с фактом»².

Не хочу сказать, что Георгий Иванов не был потомственным дворянином или что в его жилах не текла, допустим, нидерландская кровь (немецкая — совершенно определено). Чем выше в табели о рангах стоял в России человек, тем меньше шансов было обнаружить в нем чистокровного русича. Императорская фамилия кровными узами со своими подданными уже и вовсе связана не была. Империя держалась на единстве православной веры, а не на голосе крови.

Шепот крови волновал преимущественно воображение романтических литераторов, и в случае Георгия Иванова биографический метод с первых шагов работал на утверждение авторской легенды, а не на ее преодоление.

Аутентично для художников «серебряного века» заявление Иннокентия Анненского, обращенное к молодым сочинителям: «Первая задача поэта — выдумать себя»³. Его любил повторять Гумилев, и оно обнажает смысл важной для понимания всего этого искусства в целом реплики Ахматовой: «Все стихи — только шутка»⁴ (если захотеть мерить ими реальные человеческие отношения). Также и о самом Гумилеве его ученик, сотоварищ Георгия Иванова по «Цеху поэтов» Николай Оцуп, утверждал: «Он сам сочинил самого себя»⁵.

Георгий Иванов не хуже других знал генеалогию лучших русских поэтов и сам подталкивал читателя на лестное сравнение. Понимая дело таким образом, не трудно указать на роль арапчонка в странном портрете. Иной ассоциации, кроме как восходящей к Пушкину, он не вызывает. И мелькающая в стихах раннего Георгия Иванова Шотландия не убедит нас в знакомстве автора с этой страной, но лишь с Лермонтовым и Вальтером Скоттом. «Желанье быть шотландцем» владело поэтом с детства. Своим одноклассникам он заявил как-то, что никакой он не «Иванов», а «Ивангоев»⁶.

«И Ватто и Шотландия у меня из отцовского (вернее прадедовского) дома», — объяснял поэт⁷. Увы, приходится сомневаться даже в наличии самого дома, не только его богатств: Ирина Одоевцева

¹ *Вадим Крейд*. Петербургский период... С. 8.

² Книга о последнем царствовании. Т. 2. С. 380.

³ *Сергей Маковский*. Иннокентий Анненский // Сергей Маковский. Портреты современников. М., 2000. С. 149.

⁴ Там же. С. 160.

⁵ *Николай Оцуп*. Николай Гумилев. Жизнь и творчество. СПб., 1995. С. 186.

⁶ В XIX в. название романа Вальтер Скотта «Айвенго» по-русски транслитерировали в соответствии с английским написанием «Ivanhoe» — «Ивангое».

⁷ *Georgij Ivanov / Irina Odojevceva*. Briefe... S. 70.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Александру Александровичу

Блоку

ГЕОРГИЙ ИВАНОВЪ

В любовную и интимную

и благодарственную

— записку

29 декабря 1912. СМ

ОТПЛЫТЬ НА о. ЦИТЕРУ

ПОЭЗЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

Путь мой трудный, путь мой длинный,
Я — один в стране пустынной,
Но улады есть в пути —
Улыбаюсь, забавляюсь,
Сам собою вдохновляюсь —
И не скучно мне идти.

Ф. Сологуб

*Моему лучшему другу —
сестре Наташе с чувством нежным*

1. МЕЧТАТЕЛЬНЫЙ ПАСТУХ

Пролог

Мне тело греет шкура тигровая,
Мне светит нежности звезда.
Я, гимны томные наигрывая,
Пасу мечтательно стада.

Когда Диана станет матовою
И сумрак утренне-глубок,
Мечтою бережно разматываю
Воспоминания клубок.

Иду тогда тропинкой узенькою
К реке, где шепчут тростники,
И, очарован сладкой музыкою,
Плету любовные венки.

И, засыпая, вижу пламенные
Сверканья гаснувшей зари...
В пруды, платанами обраменные,
Луна роняет янтари.

И чьи-то губы целомудренные
Меня волнуют слаще роз...
И чьи-то волосы напудренные
Моих касаются волос...

Проснусь — в росе вся шкура тигровая,
Шуршит тростник, мычат стада...
И снова гимны я наигрываю
Тебе, тебе, моя звезда!

2. СОНЕТ-ПОСЛАНИЕ

Игорю Северянину

Я долго ждал послания от Вас,
Но нет его и я тоской изранен.
Зачем Вы смолкли, Игорь Северянин,
Там в городе, где гам и звон кирас?

Ночь надо мной струит золотой экстаз,
Дрожит во мгле неверный лук Дианин...
Ах, мир ночной загадочен и странен,
И кажется, что твердь с землей слилась.

Звучит вдали Шопеновское скерцо,
В томительной разлуке тонет сердце,
Лист падает и близится зима.

Уж нет ни роз, ни ландышей, ни лилий;
Я здесь грущу, и Вы меня забыли...
Пишите же, — я жду от Вас письма!

ЛЮБОВНОЕ ЗЕРКАЛО

Вот зеркало мое — прими его, Киприда!

А. Пушкин

3. НА ОСТРОВЕ ЦИТЕРЕ

Волны кружевом обшиты
Сладко пламенной луны.
Золотые хризолиты
Брызжут ввысь из глубины.

На побережьях зеленых
Ждут влюбленных шалаша.
О желаньях утоленных
Напевают камыши.

Смуглый отрок, лиру строя,
На красавиц целит глаз.
Не успела глянуть Хлоя,
Как стрела ей в грудь впилась...

Волны, верные Венере,
Учат шалостям детей.
Не избежать на Цитере
Купидоновых сетей!

4. РАННЯЯ ВЕСНА

Зима все чаще делала промахи,
Незаметно растаяли снега и льды.
И вот уже радостно одеты сады
Пахучими цветами черемухи.

В зелени грустит мраморный купидон
О том, что у него каменная плоть.
Девушка к платью спешит приколоть
Полураспустившийся розовый бутон.

Ах, ранняя весна, как мила мне ты!
Какая неожиданная радость для глаз:
Проснувшись утром, увидеть тотчас
Залитые веселым солнцем цветы.

5

Луна взошла совсем как у Вэрлена:
Старинная, в изысканном уборе,
И синие лучи упали в море.

«Зачем тобой совершена измена»...
Рыдал певец, томясь в мишурном горе,
И сонная у скал шуршала пена.

6–9. ТРИОЛЕТЫ

1. ВЛЮБЛЕНИЕ

Амур пронзил меня стрелою,
Не знаю я, что делать мне.
Куда ни гляну — вижу хлою...
Амур пронзил меня стрелою,
Моей любви никак не скрою,
Сгорая в сладостном огне.
Амур пронзил меня стрелою,
Не знаю я, что делать мне.

2. ОТВЕРГНУТАЯ СТРАСТЬ

Отвергнута любовь поэта...
Ах, Хлоя, бессердечна ты!
В моих глазах не стало света,
Отвергнута любовь поэта...

От ароматного букета
Остались вялые цветы...
Отвергнута любовь поэта...
Ах, Хлоя, бессердечна ты!

3. СЧАСТЛИВЫЙ ПРИМЕР

Воркуют голуби премило
Меж зеленеющих ветвей.
Весна объятья им открыла...
Воркуют голуби премило,
Любовь их нежно истомила,
Они спешат отдаться ей.
Воркуют голуби премило
Меж зеленеющих ветвей...

4. УТЕШЕНИЕ

Что плакать о любви несчастной,
Когда огонь в крови горит!
Весной веселой и прекрасной
Что плакать о любви несчастной...
Зовут к забаве сладострастной
Меня наперсницы харит.
Что плакать о любви несчастной,
Когда огонь в крови горит!

10. РОМАНС

Амур мне играет песни,
Стрелою ранит грудь —
Сегодня я интересней,
Чем когда-нибудь!..

Стыдливые румяна
Зажгла на щеках любовь...
Мне, право, как-то странно
Ее услышать вновь...

Под музыку я танцую
На берегу реки,
В холодные струи
Бросаю свои венки...

Монаха и святотатца,
Я всех теперь обниму, —
Готова отдаться
Все равно кому!

Звучат любовные песни,
Глаза застилает муть...
Сегодня я интересней,
Чем когда-нибудь!..

11. СОНЕТ

Любовь Николаевна Борэ

В залив, закатной кровью обгаренный,
Садилось солнце. Матовый кристалл
Луны оранжевой медлительно всплывал,
Дробясь и рдея в зыби вод бессонной.

Рукою опершись о пьедестал
Богини мраморной, с улыбкой благосклонной
Красавица внимала, как влюбленный
Слова признанья нежно ей шептал:

«Прелестней Вас в златых полях едва ли
Аркадии божественной встречали
Или в садах счастливых гесперид!

Сладчайшие сулите Вы надежды»...
Она ж в ответ, склонив с усмешкой вежды:
«Тот часто лжив, кто складно говорит!»

12. ТРИОЛЕТ

«Люблю», — сказал поэт Темире,
Она ответила: «И я».
Гремя на сладкострунной лире,
«Люблю», — сказал поэт Темире...
И все они забыли в мире
Под сенью дуба у ручья.
«Люблю», — сказал поэт Темире...
Она ответила: «И я».

13. ГАЗЭЛЛА

Скакал я на своем коне к тебе, о любовь.
Душа стремилась в сладком сне к тебе, о любовь.

Я слышал смутно лязг мечей и пение стрел,
Летя от осени к весне к тебе, о любовь.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ФРОНТИСПИС

Георгий Иванов. Фото. Апрель 1958 г. (Собрание А.П. Колоницкой).

ВКЛЕЙКА

1. Георгий Иванов. Фото 1914 г. из альбома Ю. Л. Слезкина (Собрание С. Д. Боброва).

2. Георгий Иванов среди участников диспута после лекции Н. И. Кульбина «Футуризм и отношение к нему современного общества и критики». 10 декабря 1913 г. Фото из газеты «Биржевые ведомости», 13 декабря 1913 г., вечерний вып. На снимке (слева направо) сидят: Рюрик Ивнев, О. Мандельштам, Василиск Гнедов, К. Олипов, Н. Кульбин, Б. Лившиц, В. Пяст; стоят: Н. Альтман, А. Безваль, Н. Бурлюк, А. Грипич, Г. Иванов.

3. М. А. Кузмин. Рис. Н. И. Кульбина 1913 г.

4. А. А. Блок. Фото 1913 г.

5. Н. Н. Врангель. Фото 1910 гг.

6. Игорь Северянин. Фото 1910 г.

7. Открытие «Бродячей собаки». Рис. С. В. Животовского. Январь 1912 г.

8. Георгий Иванов. Шарж Н. И. Альтмана 1913 — 1914 гг.

9. Георгий Иванов. Рис. П. В. Митурича 1914 г.

10. О. Э. Мандельштам. Фото 1910 г.

11. Т. П. Карсавина в «Бродячей собаке» (в роли Саломеи из балета Ф. Шмитта «Трагедия Саломеи»). Рис. Сергея Судейкина.

12. «Привал комедиантов». Фрагмент. На эстраде О. Мандельштам, сидят в первом ряду (слева направо) А. Лурье, Г. Тернизьен-Иванова, Г. Иванов, Г. Адамович. Рис. С. Полякова 1916 г. (Государственный литературный музей).

13. Афиша вечера петроградских поэтов в «Доме искусств» 29 декабря 1919 г. с участием Георгия Иванова.

14. А. А. Ахматова и О. А. Глебова-Судейкина. Фото 1923 г. (Собрание музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме).

15. Обложка сборника Георгия Иванова «Памятник Славы» (1915) работы Егора Нарбута.

16. Обложка сборника Георгия Иванова «Сады» (1921) работы Мстислава Добужинского.

17. Петроградская литературная студия «Звучащая раковина». На снимке (слева направо, верхний ряд) стоят: Даниил Горфинкель, Анатолий Столяров, Петр Волков, Никаноров; ниже: А. И. Федорова (Вагинова), Томас Рагинский-Карейво, Ф. М. Наппельбаум, И. М. Наппельбаум, Валентин Миллер, Наталья Сурина, Вера Лурье, Константин Вагинов; в центре Н. С. Гумилев, на полу Георгий Иванов и Ирина Одоевцева. Фото М. С. Наппельбаума в июле 1921 г. Атрибуция изображения на снимке сделана И. М. Наппельбаум (Г. И. в письме к В. Ф. Маркову от 7 мая 1957 г. относит снимок к апрелю 1921 г. и различает на нем,

кроме Гумилева, Одоевцевой и себя, Вагинова и явно отсутствующего Н. С. Тихонова).

18. Георгий Иванов. Рис. Юрия Анненкова 1921 г.

19. Владислав Ходасевич. Рис. Юрия Анненкова 1921 г.

20. Литературное общество «Зеленая лампа». На снимке (слева направо): неустановленное лицо, Д. С. Мережковский, Георгий Иванов, Н. А. Оцуп, З. Н. Гиппиус, Г. В. Адамович. Париж. 1928 г. (Архив А. А. Корлякова).

21. Редакция литературных сборников «Числа». На снимке (слева направо) стоят: М. Ларионов, Б. Поплавский, В. Мамченко, В. Яновский, А. Руманов, Ю. Фельзен, Ю. Мандельштам, Н. Оцуп, Г. Раевский, В. Смоленский, С. Стасин, Ю. Терапиано, А. Гингер, В. Варшавский; сидят, верхний ряд: С. Шаршун, Д. Кнут, С. Прегель, Е. Бакунина, Л. Червинская, И. Одоевцева, Д. Мережковский, Г. Адамович, З. Гиппиус, Г. Иванов; нижний ряд: П. Ставров, А. Алферов, Ю. Софиев, Б. Дикой, А. Буров, В. Злобин, Л. Кельберин. Париж. Весна 1934 г. (Архив А. А. Корлякова).

22. Автограф стихотворения «Где-то белые медведи...» с автошаржем и фотографией 1947 г. из альбома А. Присмановой и А. Гингера. (Библиотека Иллинойского университета).

23. Ирина Одоевцева. Фото 1947 г. (Архив А. А. Корлякова).

24. Георгий Адамович. Фото 1950-х гг.

25. Георгий Иванов. Фото 1957 г.

26. Георгий Иванов в Йере. Фото не раньше начала 1954 г.

27. Автошарж Георгия Иванова в письме к Роману Гулю от 10 марта 1955 г. (Библиотека Йельского университета).

28. Пансионат «Beauséjour» в Йере. Современный вид. Фото Б. М. Носика.

29. Автограф стихотворения «Свободен путь под Фермопилами...» (Библиотека Йельского университета).

30. Ирина Одоевцева на могиле Георгия Иванова в Йере 29 августа 1958 г. Фото К. Д. Померанцева (Собрание А. П. Колоницкой).

Помещенные перед разделами настоящего издания шмуцтитутлы копируют титульные листы печатаемых вслед за ними сборников Георгия Иванова (титульный лист перед «Отплытьем на о. Цитеру» с дарственной надписью Александру Блоку — из библиотеки Пушкинского Дома). Шмуцтитул перед «Посмертным дневником» воспроизводит заглавие соответствующего раздела в «Собрании стихотворений Георгия Иванова (Вюрцбург, 1975), где этот цикл впервые был напечатан как единое целое.

За помощь в подборке иллюстративного материала к настоящему изданию мы благодарны библиотеке, музею и рукописному отделу Пушкинского Дома, музею Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, Государственному литературному музею (Москва), библиотеке Йельского университета (США), библиотеке Иллинойского университета (США), А. П. Колоницкой (Москва), А. А. Корлякову (Париж), В. П. Старку (Санкт-Петербург).

СОДЕРЖАНИЕ

«Пока догорала свеча». <i>Вступительная статья</i> А. Ю. Арьева	5
---	---

ОТПЛЫТЬЕ НА О. ЦИТЕРУ

1. Мечтательный пастух. <i>Пролог</i>	115
2. Сонет-послание	116

ЛЮБОВНОЕ ЗЕРКАЛО

3. На острове Цитере	116
4. Ранняя весна.	117
5. «Луна взошла совсем как у Верлена...»	117
6—9. Т р и о л е т ы	
1. Влюбление	117
2. Отвергнутая страсть	117
3. Счастливый пример	118
4. Утешение.	118
10. Романс	118
11. Сонет	119
12. Триолет	119
13. Газелла	119

КЛАВИШИ ПРИРОДЫ

14. У моря	120
15. Икар	120
16. «Моей тоски не превозмочь...»	121
17. «Птица упала. Птица убита...»	122
18. Весенние аккорды	122
19. «На две части твердь разъята...»	122
20. «Солнце разлилось по спелым вишням...»	123
21. Утром	123
22. Оттепель	123
23. «Луна упала в бездну ночи...»	124
24. Песня о пирате Оле. <i>Развинченная баллада</i>	124
25. Сонет-акrostих	125

КОГДА ПАДАЮТ ЛИСТЬЯ...

26. Осень	126
27. Вечерние строфы	126
28. Осень пришла... ..	126
29. Элегия.	127
30. Осенний брат	127

31 – 32. С т а н с ы	
1. «Ах, небосклон светлее сердолика...»	128
2. «Маскарад был давно, давно окончен...»	128
33. «Вот — письмо. Я его распечатаю...»	128
34. У окна	129
35. Осени пир...	129
36 – 39. С о л н ц е Б о ж и е	
1. Заря пасхальная	130
2. Солнце божие	130
3. Схима	131
4. «Вновь сыплет осень листьями сухими...»	131
40. Э п и л о г .	132

ПАМЯТНИК СЛАВЫ

41. «Теперь, когда быстрее лавы...»	135
-------------------------------------	-----

НЕРУШИМАЯ СТЕНА

42 – 43. С к л а д е н ь	
1. «Как странно! Сердце не болит...»	135
2. «Надежды не обманут нас...»	136
44. Павшим гвардейцам.	136
45. Георгий Победоносец	136
46. «О твердость, о мудрость прекрасная...»	137
47. Наш долг	137
48. Закат в окопах	138
49 – 50. В р а г а м	
1. «Германия! Союзники твои...»	139
2. «Враги, топчите правду Божью...»	139

ЗНАМЕНА ДРУЗЕЙ

51. Бельгия	139
52. Песня кружевницы	140
53. Песня у веретена.	140
54. Прощанье	141
55 – 56. П е с н и с о ю з н ы х с о л д а т	
1. Французская	141
2. Британская	142
57. Наполеоновские знамена	142
58 – 59. Г о л о с а с л а в я н	
1. Галицийская песня.	143
2. Сербская песня	144

СТОЛИЦА НА НЕВЕ

60. «О, заповедная столица...»	145
61. Видения в Летнем саду	146
62. Бронзовые полководцы	147
63. «Опять на площади Дворцовой...»	148
64. «Столица спит. Трамваи не звенят...»	148
65. К памятнику Суворова	149

ЗИМНИЕ ПРАЗДНИКИ

66. Сочельник	149
67. Рождество в скиту	150
68. «Благословенные морозы ...»	151
69. Суженый	151

РОДИНЕ

70. «Не силы темные, глухие...»	152
---------------------------------------	-----

ВЕРЕСК

СТИХИ 1914–1915 г.

71. «Мы скучали зимой, влюблялись весною...»	157
72. Литография.	157
73. «Растрепанные грозами — тяжелые дубы...»	158
74. «Как я люблю фламандские панно...»	158
75. «О, празднество на берегу, в виду искусственного моря...»	158
76. «Пожелтевшие гравюры...»	159
77. «Кофейник, сахарница, блюда...»	159
78. Отрывок («Июль в начале. Солнце жжет...»)	160
79. «Кудрявы липы, небо сине...»	162
80. «Как хорошо и грустно вспоминать...»	162
81. «Визжа, ползет тяжелая лебедка...»	163
82. «На старом дедовском кисете...»	163
83. Скромный пейзаж	164
84. «Все в жизни мило и просто...»	164
85. «Визжат гудки. Несется ругань с барок...»	165
86. «Цитерский голубок и мальчик со свирелью...»	165
87. «Про меня «мошенник» вкратце...»	165
88. «Беспокойно сегодня мое одиночество...»	166
89. «Вот роща и укромная полянка...»	167
90. «Шотландия, туманный берег твой...»	167
91. «Все образует в жизни круг...»	167
92. «Уж рыбаки вернулись с ловли...»	168
93. «Как древняя ликующая слава...»	168
94. «Уже сухого снега хлопья...»	169
95. «Веселый ветер гонит лед...»	169
96. «Закат золотой. Снега...»	170
97. «Все дни с другим, все дни не с вами...»	170
98. «Никакого мне не нужно рая...»	171

СТИХИ 1913–1914 г.

99. «В небе над дымными долами...»	171
100. «Настанут холода...»	171
101. «Я не любим ни кем! Пустая осень...»	172
102. «Измучен ночью ядовитой...»	172
103. Песня	173
104. «Все бездыханней, все желтей...»	173
105. Полусон	174
106. «Поблекшим золотом, холодной синевой...»	174

107 — 111. Книжные украшения	
1. Петр в Голландии	174
2. «На лейпцигской раскрашенной гравюре...»	175
3. «Какая-то мечтательная леди...»	175
4. Ваза с фруктами	176
5. Заставка	176
112. Болтовня зазывающего в балаган	176
113. Романтическая таверна	177
114. Фигляр	178
115. Бродячие актеры	178
116. «Я кривляюсь вечером на эстраде...»	179
117. Осенний фантом	180
118. Уличный подросток	180
119. Отрывок	181
120. Путешествующие гимнасты	182
121. Портовой рабочий	183
122. Актерка	184
123. «Чем осенний ветер злее...»	185
124. «Письмо в конверте с красной прокладкой...»	185
125 — 126. Газеллы	
1. «Если ты промолвишь "нет" — разлюблю...»	186
2. «Ах, угадать не в силах я, чего хочу...»	186
127. Альбомный сонет	187
128. «Черемухи цветы в спокойный пруд летят...»	187
129. «Горлица пела, а я не слушал...»	187

ЛАМПАДА

I

130. «Из белого олонекского камня...»	190
131. «Тонким льдом затянуты лужицы...»	190
132. «Когда светла осенняя тревога...»	190
133. «Цвета луны и вянущей малины...»	191
134. «Вновь с тобою рядом лежа...»	191
135. «Прощай, прощай, дорогая! Темнеют дальние горы...»	192
136. «Улыбка одна и та же...»	192
137. «Благословенная прохлада...»	192
138. «Неправильный круг описала летучая мышь...»	193
139. «Черные вишни, зеленые сливы...»	193
140. «Прошло туманное томленье...»	193
141. «Я в жаркий полдень разлюбил...»	194
142. «Над морем северным холодный запад гас...»	195
143. «Зефир ночной волной целебной...»	195
144. «Сквозь зеленеющие ветки...»	196
145. «Италия! Твое Амуры имя пишут...»	196
146. «Еще горячих губ прикосновенье...»	197
147. «Я вспоминаю влажные долины...»	197
148. «Видел сон я: как будто стою...»	197
149. «Здесь волн Коцитовых холодный ропот глуше...»	198
150. «Снег уже пожелтел и растаял...»	198

151. В альбом Т. П. Карсавиной.....	199
152. «Однажды под Пасху мальчик...».....	199

II

153 — 155.	
1. «О сердце, о сердце...».....	200
2. «Снова теплятся лампы...».....	201
3. «Я вывожу свои заставки...».....	202
156. «Опять сияют масляной...».....	202
157. «Снова снег синее в поле...».....	203
158. «Простодушные березки...».....	204
159. «Пьяные мастеровые...».....	205

III

160. «Чем больше дней за старыми плечами...».....	205
161. «Зеленый фон — немного мутный...».....	206
162. «Она застыла в томной позе...».....	207
163. «Когда луны неверным светом...».....	207
164. «В широких окнах сельский вид...».....	208
165. Отрывок («Когда весенняя прохлада...»)	208

IV

166. Павловск.....	209
167. «Стучат далекие копыта...».....	210
168. «Китайские драконы над Невой...».....	211

V

169. «Прохладно... До-ре-ми-фа-соль...».....	211
170. «Над озером тумана...».....	212

САДЫ

I

171. «Где ты, Селим, и где твоя Заира...».....	215
172. «Эоловой арфой вздыхает печаль...».....	215
173. «Не о любви прошу, не о весне пою...».....	215
174. «Легкий месяц блеснет над крестами забытых могил...».....	216
175. «Оттого и томит меня шорох травы...».....	216
176. «Глядит печаль огромными глазами...».....	217
177. «Тяжелые дубы и камни и вода...».....	218
178. «Я разлюбил взыскующую землю...».....	218
179. «И пение пастушеского рога...».....	218
180. «Прекрасная охотница Диана...».....	219
181. «Уже бежит полночная прохлада...».....	219
182. «Кровь бежит по томным жилам...».....	220
183. «В середине сентября погода...».....	220
184. «Наконец-то повеяла мне золотая свобода...».....	221
185. Песня Медоры.....	221
186. «Зеленою кровью дубов и могильной травы...».....	222
187. «Холодеет осеннее солнце и листвою пожелтевшей играет...».....	222

188. «Вновь губы произносят: "Муза" ...»	223
189. «Из облака, из пены розоватой...»	223
190. «Вечерний небосклон. С младенчества нам мило...»	224
191. «Как вымысел восточного поэта...»	224
192. «Дитя гармонии — александрийский стих...»	225
193. «Облако свернулось клубком...»	225
194. «Я вспомнил о тебе, моя могила...»	225
195. «Деревья, паруса и облака...»	226
196. «Погляди, бледно-синее небо покрыто звездами...»	226
197. «Теперь я знаю — все воображение...»	227
198. «Меня влечет обратно в край Гафиза...»	227
199. «Я слушал музыку, не понимая...»	227
200. «В меланхолические вечера...»	228
201. «Луны осенней таял полукруг...»	228
202. «Мы зябнем от осеннего тумана...»	229
203. «Мгновенный звон стекла, холодный плеск воды...»	229
204. «От сумрачного вдохновенья...»	229
205. Петергоф	230

II

206. «Нищие слепцы и калеки...»	230
207. «Не райская разноцветная птичка...»	231
208. «После летнего дождя...»	231
209. «Еще молитву повторяют губы...»	232
210. «В Кузнецовской пестрой чашке...»	232
211. «Есть в литографиях забытых мастеров...»	233
212. «Опять белила, сепия и сажа...»	233
213. «Моя любовь, она все та же...»	234
214. «Когда скучна развернутая книга...»	234
215. «Я не пойду искать изменчивой судьбы...»	235
216. «Мне все мерещится тревога и закат...»	235
217. «На западе желтели облака...»	235
218. Джон Вудлей. <i>Турецкая повесть</i>	236

СТИХОТВОРЕНИЯ, ИСКЛЮЧЕННЫЕ ИЗ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ «САДОВ»

219. «Где отцветают розы, где горит...»	239
220. Тучкова набережная	239
221. Павловский офицер	239

СТИХОТВОРЕНИЯ, ДОБАВЛЕННЫЕ ВО ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ «ВЕРЕСКА»

222. «Оттепель. Похоже...»	241
223. «О расставаньи на мосту...»	241
224. «Пустынна и длинна моя дорога...»	242

РОЗЫ

225. «Над закатами и розами...»	245
226. «Глядя на огонь или дремля...»	245
227. «Синий вечер, тихий ветер...»	246
228. «Душа черства. И с каждым днем черстей...»	246
229. «Не было измены. Только тишина...»	246
230. «Напрасно пролита кровь...»	247
231. «Перед тем, как умереть...»	247
232. «Я слышу — история и человечество...»	247
233. «Теплый ветер веет с юга...»	248
234. «Балтийское море дымилось...»	248
235. «Черная кровь из открытых жил...»	248
236. «Как в Грецию Байрон, о, без сожаленья...»	249
237. «Это только синий ладан...»	249
238. «В сумраке счастья неверного...»	250
239. «В комнате твоей...»	250
240. «Увяданием еле тронут...»	251
241. «Прислушайся к дальнему пенью...»	251
242. «Начало небо меняться...»	251
243. «Когда-нибудь и где-нибудь...»	252
244. «Злой и грустной полоской рассвета...»	252
245. «Закроешь глаза на мгновенье...»	252
246. «Хорошо, что нет Царя...»	252
247. «В тринадцатом году, еще не понимая...»	253
248. «Россия, Россия "рабоче-крестьянская"...»	253
249. «Холодно бродить по свету...»	254
250. «По улицам рассеянны мы бродим...»	254
251. «Для чего, как на двери небесного рая...»	254
252. «Страсть? А если нет и страсти?...»	255
253. «Как грустно и все же как хочется жить...»	255
254. «Так тихо гаснул этот день. Едва...»	256
255. «Грустно, друг. Все слаще, все нежнее...»	256
256. «Не спится мне. Зажечь свечу?...»	256
257. «Как лед наше бедное счастье растает...»	257
258. «Январский день. На берегу Невы...»	257
259. «Синеватое облако...»	257
260. «В глубине, на самом дне сознания...»	258
261. «Утро было как утро. Нам было довольно приятно...»	258
262. «Медленно и неуверенно...»	258
263. «От синих звезд, которым дела нет...»	259
264. «Даль грустна, ясна, холодна, темна...»	259
265. «Все розы, которые в мире цвели...»	260

ОТПЛЫТИЕ НА ОСТРОВ ЦИТЕРУ

I

266. «О высок, весна, высок твой синий терем...»	263
267. «Это месяц плывет по эфиру...»	263
268. «Россия счастье. Россия свет...»	264

269. «Только всего — простодушный напев...»	264
270. «Слово за словом, строка за строкой...»	265
271. «Музыка мне больше не нужна...»	265
272. «Звезды синеют. Деревья качаются...»	265
273. «Ни светлым именем богов...»	266
274. «Только звезды. Только синий воздух...»	266
275. «Сиянье. В двенадцать часов по ночам...»	267
276. «Замело тебя, счастье, снегами...»	267
277. «О, душа моя, могло ли быть иначе!...»	267
278. «Так иль этак. Так иль этак...»	268
279. «Только темная роза качнется...»	268
280. «Я тебя не вспоминаю...»	269
281. «Над розовым морем вставала луна...»	269
282. «Это звон бубенцов издалика...»	270
283. «В шуме ветра, в детском плаче...»	270
284. «Душа человека. Такою...»	270
285. «Жизнь бессмысленную прожил...»	271

ПОРТРЕТ БЕЗ СХОДСТВА

286. «Что-то сбудется, что-то не сбудется...»	274
287. «Все неизменно и все изменилось...»	274
288. «Друг друга отражают зеркала...»	274
289. «Маятника мерное качанье...»	275
290. «Где прошлогодний снег, скажите мне...»	275
291. «Воскресают мертвецы...»	275
292. «Мертвый проснется в могиле...»	275
293. «Он спал и Офелия снилась ему...»	276
294. «День превратился в свое отражение...»	276
295. «Рассказать обо всех мировых дураках...»	276
296. «А люди? Ну на что мне люди?...»	277
297. «Образ полусотворенный...»	277
298. «В награду за мои грехи...»	277
299 — 300.	
1. «Я не стал не лучше и не хуже...»	278
2. «Что ж, поэтом долго ли родиться...»	278
301. «Холодно. В сумерках этой страны...»	278
302. «Тихим вечером в тихом саду...»	279
303. «Каждой ночью грозы...»	279
304. «Был замысел странно-порочен...»	280
305. «Потеряв даже в прошлое веру...»	280
306. «Отражая волны голубого света...»	280
307. «Ничего не вернуть. И зачем возвращать...»	280
308. «На грани таянья и льда...»	281
309. «Отвратительнейший шум на свете...»	281
310. «Как туман на рассвете — чужая душа...»	281
311. «Поговори со мной о пустяках...»	282
312. «Лунатик в пустоту глядит...»	282
313. «Летний вечер прозрачный и грузный...»	282
314. «Шаг направо. Два налево...»	283

315. «Теперь тебя не уничтожат...»	283
316. «Стоило ли этого счастье безрассудное?..»	283
317. «Ветер тише, дождик глуше...»	284
318. «По дому бродит полуночник...»	284
319. «С бесчеловечною судьбой...»	284
320. «Если бы жить... Только бы жить...»	285
321. «В дыму, в огне, в сиянии, в кружевах...»	285
322. «Восточные поэты пели...»	285
323. «Остановиться на мгновенье...»	286
324. «У входа в бойни, сквозь стальной туман...»	286
325. «То, о чем искусство жжет...»	287
326. «В конце концов судьба любая...»	287
327 — 336. <i>Rayon de Rayonne</i>	
1. «В тишине вздохнула жаба...»	287
2. «Портной обновочку утюжит...»	287
3. «Все чаще эти объявления...»	288
4. «Где-то белые медведи...»	288
5. «По улице уносит стружки...»	289
6. «Зазеваешься, мечтая...»	289
7. «Снова море, снова пальмы...»	289
8. «Добровольно, до срока...»	290
9. «В пышном доме графа Зубова...»	290
10. «Как вы когда-то разборчивы были...»	290

1943–1958 СТИХИ

ПОРТРЕТ БЕЗ СХОДСТВА

337. «Игра судьбы. Игра добра и зла...»	295
---	-----

RAYON DE RAYONNE

338. «Голубизна чужого моря...»	295
339. «Вот более иль менее...»	295
340. «Что мне нравится...»	296
341. «На полянке поутру...»	296
342. «Художников развязная мазня...»	296

ДНЕВНИК

343. «Торжественно кончается весна...»	297
344. «Калитка закрылась со скрипом...»	297
345. «Эмалевый крестик в петлице...»	297
346. «Теперь, когда я сгнил и черви обглодали...»	298
347. «Смиловитвилась погода...»	298
348. «"Желтофиоль" — похоже на виолу...»	298
349. «Этой жизни нелепость и нежность...»	299
350. «Мелодия становится цветком...»	299
351. «Полутона рябины и малины...»	299
352. «Солнце село, и краски погасли...»	300
353. «Стало тревожно-прохладно...»	300
354. «Так, занимаясь пустяками...»	301

355. «Нет в России даже дорогих могил...»	301
356. «Еще я нахожу очарованье...»	301
357. «Полу-жалость. Полу-отвращенье...»	302
358. «Как обидно — чудным даром...»	302
359. «Иду — и думаю о разном...»	302
360. «Свободен путь под Фермопилами...»	303
361. «Я хотел бы улыбнуться...»	303
362. «Все на свете не беда...»	304
363. «Я научился понемногу...»	304
364. «Уплывают маленькие ялики...»	304
365. «Сознание, как море, не может молчать...»	304
366. «Стоят сады в сиянии белоснежном...»	305
367. «Все туман. Бреду в тумане я...»	305
368. «Четверть века прошло за границей...»	306
369. «Эти сумерки вечерние...»	306
370. «Овеянный тускнеющею славой...»	306
371. «Голубая речка...»	307
372. «Луны начищенный пятак...»	307
373. «Звезды меркли в бледнеющем небе...»	307
374. «Белая лошадь бредет без упряжки...»	308
375. «Нечего тебе тревожиться...»	308
376. «Цветущих яблонь тень сквозная...»	308
377. «Тускнеющий вечерний час...»	309
378. «На границе снега и таянья...»	309
379. «Закат в полнеба занесен...»	309
380. «Я твердо решил и тут же забыл...»	310
381. «Насладись, пока не поздно...»	310
382. «Поэзия: искусственная поза...»	310
383. «Мне весна ничего не сказала...»	310
384. «Почти не видно человека среди сиянья и шелков...»	311
385. «Ветер с Невы. Леденеющий март...»	311
386. «Просил. Но никто не помог...»	311
387. «Бредет старик на рыбный рынок...»	312
388. «Жизнь пришла в порядок...»	312
389. «Меняется прическа и костюм...»	313
390. «Волны шумели: "Скорее, скорее!"...»	313
391. «Я люблю безнадежный покой...»	313
392. «О нет, не обращаюсь к миру я...»	314
393. «Если бы я мог забыть...»	314
394. «Мне больше не страшно. Мне томно...»	314
395. «То, что было, и то, чего не было...»	315
396. «Чем дольше живу я, тем менее...»	315
397. «Все на свете дело случая...»	315
398. «Здесь в лесах даже розы цветут...»	315
399. «Не станет ни Европы, ни Америки...»	316
400. «Все на свете пропадает даром...»	316
401. «Листья падали, падали, падали...»	316
402. «Ну мало ли что бывает?...»	317
403. «Все представляю в блаженном тумане я...»	317
404. «Не обманывают только сны...»	317

405. «На юге Франции прекрасны...»	317
406. «А еще недавно было все, что надо...»	318
407. «— Когда-нибудь, когда устанешь ты...»	318
408. «Мы не молоды. Но и не стары...»	319
409. «Как все бесцветно, все безвкусно...»	319
410 — 414.	
1. «Ты не расслышала, а я не повторил...»	320
2. «Распыленный миллионом мельчайших частиц...»	320
3. «Вся сиянье, вся непостоянство...»	320
4. «Отзовись, кукушечка, яблочко, змееныш...»	320
5. «Может быть, умру я в Ницце...»	321
415. «Зима идет своим порядком...»	321
416. «Скучно, скучно мне до одуренья!..»	322
417. «Накипевшая за годы...»	322
418. «Туман. Передо мной дорога...»	323
419. «Отвлеченной сложностью персидского ковра...»	324

ПОСМЕРТНЫЙ ДНЕВНИК

420. «Александр Сергеевич, я о вас скучаю...»	327
421. «Кошка крадется по светлой дорожке...»	327
422. «Я жил как будто бы в тумане...»	327
423. «Мне уж не придется впредь...»	327
424. «В громе ваших барабанов...»	328
425. «А может быть, еще и не конец...»	328
426. «Воскресенье. Удушья прилив и отлив...»	329
427. «Ку-ку-реку или бре-ке-ке?...»	329
428. «Аспазия, всегда Аспазия...»	329
429. «Ночь, как Сахара, как ад, горяча...»	330
430. «Ночных часов тяжелый рой...»	330
431. «На барабане б мне прогреметь...»	330
432. «Дымные пятна соседних окон...»	331
433. «Меня уносит океан...»	331
434. «Зачем, как шальные, свистят соловьи...»	331
435. «Все розы увяли. И пальма замерзла...»	331
436. «В зеркале сутулый, тощий...»	332
437. «Побрили Кикапу в последний раз...»	332
438. «Было все — и тюрьма и сума...»	332
439. «Пароходы в море тонут...»	332
440. «В ветвях олеандровых трель соловья...»	333
441. «Строка за строкой. Тоска. Облака...»	333
442. «Из спальни уносят лампу...»	333
443. «А что такое вдохновенье?...»	334
444. «Вас осуждать бы стал с какой же стати я...»	334
445. «За столько лет такого маянья...»	335
446. «До нелепости смешно...»	335
447. «Отчаянье я превратил в игру...»	335
448. «Для голодных собак понедельник...»	336
449. «Теперь бы чуточку безопасности...»	336
450. «Вечер. Может быть, последний...»	336

451. «Вот елочка. А вот и белочка...»	337
452. «Если б время остановить...»	337
453. «Ликование вечной, блаженной весны...»	337
454. «Бороться против неизбежности...»	338
455. «В небе нежно тают облака...»	338
456. «Во сне я думаю о разном...»	339
457. «Поговори со мной еще немного...»	339

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В АВТОРСКИЕ СБОРНИКИ

СТИХОТВОРЕНИЯ 1908–1914 ГОДОВ

458. «Поцелуй струи рассвета...»	343
459. «Зачем никто из тихих и скорбящих...»	343
460. «Ночь колыбельную песню поет...»	343
461. «Сверкал зеленый луч и даль пылала...»	344
462. «Я устал от грез певучих...»	344
463. «Печаль сидела у окна...»	344
464. «Был грустен дня осенний склон...»	345
465. «Одна меж сонными домами...»	345
466. Лунное томление	345
467. Осень	346
468. Моя поэзия	346
469. Гром	347
470. Наступление ночи	347
471. Тайна вечности	348
472. Необъятность	348
473. Закатные туманы	348
474. Объявления	349
475. Элегия	349
476. Вэрлену	350
477. Майская баллада	351
478 – 479. Песенки	
1. Приказчиця	351
2. Девичья	351
480. «Вы уронили веер. Я поднял...»	352
481. Роза и сирень	352
482. Килипокорос	353
483. «У пахоты протяжный рев вола...»	353
484. Озеро	353
485. «Еще с Адмиралтейскою иглой...»	354
486. «Луна, как пенящийся кубок...»	354
487. Из окна	355
488. В вагоне	355
489. «Поблекшим золотом и гипсовой лепкой...»	356
490. «Ты томишься в стенах голубого Китая...»	356
491. Шарманщик	357
492. «Любимая, я вяну, истомлен...»	357
493. «Ветер колеблет колкий...»	358
494. Бред	358

495. «Облаков закатные разводы...»	359
496. «Давно угас блистательный Июль...»	359
497. Кинематограф	360
498. «За трепещущей парусиной...»	360
499. «Все злит меня, но более всего...»	361
500. «Всегдашней лихорадкой...»	361
501. Осенью	362
502. Вечером	362
503. Китай	362
504. 26 августа 1912 г.	363
505. Вечером	363
506. Покинутая	364
507. Девушка	364
508 «Зеленый кустарник...»	365
509. Танцовщица	365
510. Странствующая лотерея	366
511. «Святки пройдут, пройдет и масляная...»	367
512. Утром в лесу	367
513. Пилигрим	368
514. «Упал на лакированный ботинок...»	368

СТИХОТВОРЕНИЯ 1914–1917 ГОДОВ

515. Вильгельму II	369
516. Западным славянам	370
517. Пылающий Лувен	370
518. Победитель	371
519. Родине	371
520. С нами Бог	372
521. «Надежда встречи стала бредней...»	372
522. Весна	373
523. Весна в Царьграде	374
524. «Снастей и мачт узор железный...»	374
525. «Знаю — ложь все, что раньше было...»	375
526. 19 июля 1915 г.	376
527. «Там, над Невой зеленоватой...»	376
528. Три свечи	377
529. Св. Покров	378
530. Герои	378
531. Волхвы	379
532. Рождество 1915 г.	379
533. Пасха 1916 г.	380
534. Перед иконой Св. Георгия	380
535. «О, несобранные нивы...»	381
536. Мелодия	382
537. «Солдаты проходили, барабания...»	382
538. Шотландская баллада	383
539. Памяти Хомякова	384
540. Польша	385
541. Германии	387
542. Польша	388

543. Войне	389
544. Свобода! Свобода!	390
545. «Не забывайте о победе...»	390
546. «Свобода! Что чудесней...»	391
547. Весна	392
548. «Снова янтарны и алы...»	393
549. «Я часто слышал этот звук "свобода" ...»	393
550. «Когда впервые я услышал голос...»	394
551. «Канарейка в некрашеной клетке...»	394
552. «Я вспомнил тот фонтан. Его фонтаном слез...»	394

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ ЖУРНАЛА «ЛУКОМОРЬЕ»

553. «Песни звонкие девчонок...»	396
554. «Мы с мамашею скупаем...»	396
555. «Снега буреют, тая...»	397
556. «Снова влечет тебя светлое знамя...»	398
557. «Люблю рассветное сиянье...»	399
558. На начинающего Бог	399
559. Петроградские волшебства	400
560. Итальянская песня	401
561. Годовщина войны	402
562. У памятника Петра	403
563. Покров	404
564. Болгарам	405
565. Петроградское утро	406
566. Новогодние стансы	408
567. «Мороз и солнце, опять, опять...»	409
568. Москва	409
569. Русская красота	411
570. «Опять заря горит светла...»	412
571. Рондо	413
572. Русская весна	414
573. «Вновь зеленые шорохи в лесе...»	415
574—576. Стихи о Петрограде	
1. «На небе осеннем фабричные трубы...»	416
2. «Не время грозное Петра...»	417
3. «А люди проходят, а люди не видят...»	418
577. «Я слышу святые восторги...»	418
578. Верхарн	419
579. Святочная поездка	420
580. «Теплятся жаркие свечи...»	421
581. Куликово поле	422
582. Декабристы	423
583. «Кто говорит: "Долой войну!" ...»	425
584. «Сколько лет унижений и муки...»	426
585. «Выхожу я в родные просторы...»	426

СТИХОТВОРЕНИЯ 1918—1922 ГОДОВ

586. «Любимы Вами и любимы мною...»	428
587. «Еще не молкнет шум житейский...»	428

588. «Пушкина, двадцатые годы...»	429
589. «Оцуп, Оцуп, где ты был?...»	430
590. «Сейчас я поведаю, граждане, вам...»	430
591. Басня («В Испании два друга меж собой...»)	431
592. Баллада об издателе	431
593. «Мы дышим предчувствием снега и первых морозов...»	432
594. «Вздохни, вздохни еще, чтоб душу взволновать...»	432
595. «Охотник веселый прицелился...»	433

СТИХОТВОРЕНИЯ 1922–1933 ГОДОВ

596. «Мы из каменных глыб создаем города...»	434
597. «Пожалейте меня, сир!...»	434
598. «Мы живем на круглой или плоской...»	434
599. Роза	435
600. «Ужели все мечтать, ужели все надеяться...»	435
601. «Прорезываются почки...»	436
602. Разговор	436
603. «Это качается сосна...»	437
604. «Закрыта жарко печка...»	437
605. «Мне грустно такими ночами...»	438
606. «Как осужденные, потерянные души...»	438
607. «Если все, для чего мы росли...»	438
608. «Все тот же мир. Но скука входит...»	439
609. «Мы только гости на пиру чужом...»	439
610. «Еще мы говорим о славе, об искусстве...»	439
611. «Забудут и отчаянье и нежность...»	440
612. «Сияет ночь, и парус голубеет...»	440
613. «Я не хочу быть куклой восковой...»	440
614. «На старых могилах растут полевые цветы...»	441
615. «Скажи, мой друг, скажи...»	441
616. «Серебряный кораблик...»	441
617. «Угрозы ни к чему, слезами не помочь...»	442
618. «Это только бессмысленный рай...»	442
619. «В погожий день, вдоль сада проходя...»	443
620–625. Разрозненные строфы	
1. «И нет и да. Блестит звезда...»	443
2. «...Облетают белила, тускнеют румяна...»	443
3. «Бессонница, которая нас мучит...»	443
4. «Черные ветки, шум океана...»	444
5. «Райской музыкой, грустной весной...»	444
6. «В совершенной пустоте...»	444
626. «Мир торжественный и томный...»	444
627. «Гаснет мир. Сияет вечер...»	444
628. «Я люблю эти снежные горы...»	445
629. «Обледенелые миры...»	445
630–631. Я м б ы	
1. «Как туча, стала Иудея...»	446
II. «Все до конца переменилось...»	446
632. «Час от часу. Год от году...»	446

633. «Пройдет сорок четвертый год...»	448
634. «Она летит, весна чужая...»	448
635. На взятие Берлина русскими	448
636. «Я за войну, за интервенцию...»	449
637. «Видишь мост. За этим мостом...»	449
638. «Ты протягиваешь руку...»	449
639. «Уплывает в море рыбачий челнок...»	450
640. «Собираатели марок, эстеты...»	450
641. «Все еще дышу, люблю...»	451
642. «Скользит машина возле сада...»	451
643. «Быть может, мне все это снилось...»	451
644. «Мороз. Безденежье. Зато...»	452
645. «Бледный луч существования...»	452
646. «Скользят облака неизвестно куда...»	452
647. «Тополь... Тени на снегу...»	452
648. «Все прозрачнее, все лиловей...»	453
649. «Россия тридцать лет живет в тюрьме...»	453
650. «Несколько поэтов. Достоевский...»	453
651. «Я в Вашем доме гость случайный...»	454
652. «Вот, дорогая, прочтите глазами газели...»	454
653. «Человек природно-мелкий...»	454
654. «— В этом мире любила ли что-нибудь ты?...»	455
655. «Плавают в море различные рыбы...»	455
656. «Я не знал никогда ни любви, ни участия...»	455
657. «С пышно развевающимся флагом...»	456
658. «На один восхитительный миг...»	456
659. «Никогда ничего не прощаю...»	457
660 — 661. С т а н с ы	
I. «Судьба одних была страшна...»	457
II. «...И вот лежит на пышном пьедестале...»	458
662. «Ну да — немного человечности...»	458
663. «Это было утром рано...»	459
664. «Как тридцать лет тому назад...»	459
665. «Умер булочник сосед...»	459
666. «История. Время. Пространство...»	460
667. «Слава, императорские троны...»	460
668. Пейзаж	461
669. «Истории зловещий трюм...»	461
670. «Мимозы солнечные ветки...»	462
671. «Жизнь продолжается рассудку вопреки...»	462
672. «Паспорт мой сгорел когда-то...»	462
673. «Не верю раю, верю аду...»	463
674. «Сквозь рычанье океанов...»	463
675. «Дождя осенняя туманность...»	464
676. «Никому я не враг и не друг...»	464
677. «Памяти провалы и пустоты...»	464
678. «Построили и разорили Трою...»	464
679. «Кавалергардский или Конный полк...»	465
680. «Повторяются дождик и снег...»	465

681. «И сорок лет спустя мы спорим...»	465
682. «Стонет океан арктический...»	466
683. «Прозрачная ущербная луна...»	466
684. «Все на свете очень сложно...»	466
685. «Упал крестоносец средь копий и дыма...»	467
686. «За горе, за позор и все мои грехи...»	467

ЭКСПРОМТЫ, ФРАГМЕНТЫ

687. «Четыре месяца иль пять...»	468
688. Мадригал («Печален мир. Все суета и проза...»)	468
689. «Страстной влюбленности отданный...»	468
690. «Обыкновенный день — прошел обыкновенно...»	468
691. «По крыше дождя дробь...»	469
692. «Творю из пустоты ненужные шедевры...»	469
693. «...Кругом безденежье, счета от прачки...»	469
694. «Шагайте смело, в добрый час...»	469
695. «Вот дуры едут в первом классе...»	469
696. «Рисую завитушки и рифмы подбираю...»	470
697. «Я вам что-то скажу, только вы не поймете...»	470
698. «Странно жить еще на св<ете>...»	470
699. «Вот и дуб зеленый...»	470

«ВАРИАНТЫ». 1958

700. «Теперь я знаю — все воображение...»	471
701. «От сумрачного вдохновенья...»	471
702. «О расставаньи на мосту...»	472
703. «Синеватое облако...»	472
704. «Теплый ветер веет с юга...»	472
705. «Проклятие шепотом шлет палачам...»	473
706. «В шуме ветра, в женском плаче...»	473
707. «А что такое вдохновенье?»	474

Другие редакции	475
-----------------	-----

Примечания	485
Содержание прижизненных сборников	733
Алфавитный указатель стихотворений	744
Список иллюстраций	763

Георгий Иванов

Стихотворения. — М. ; СПб. : Нестор-История. — 2021. — 784 с.

ISBN 978-5-4469-1783-9

Наиболее полное из всех существующих на сегодняшний день собрание стихотворений крупнейшего поэта русского зарубежья, «последнего петербургского поэта», как он сам именовал себя. Вступительная статья вместе с подробными комментариями представляет собой всеобъемлющее исследование поэзии Георгия Иванова.

ISBN 978-5-4469-1783-9

Редактор *А. Е. Барзах*
Художник *В. В. Еремин*
Верстка *Л. Е. Голод*
Корректор *М. А. Иванова*

Подписано в печать 03.11.2020. Формат 84×108 ¹/₃₂.
Бумага офсетная. Печать офсетная . Гарнитура Балтика
Усл.-печ. л. 41,2. Тираж 1000 экз.
Заказ № 2259

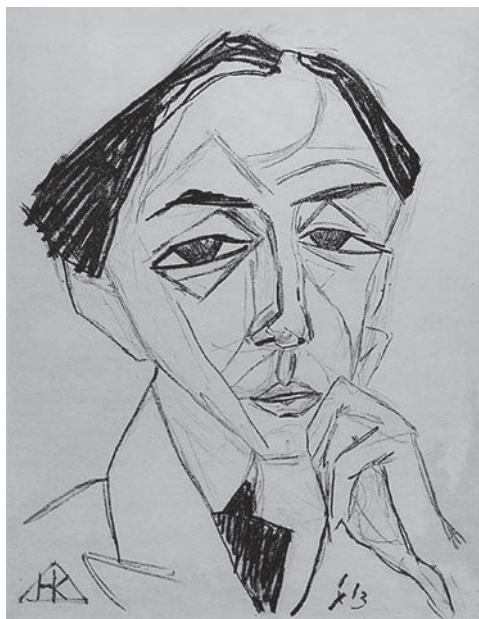
Издательство «Нестор-История»
197110, СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Георгий Иванов. Фото 1914 г. из альбома Ю. Л. Слезкина
(Собрание С. Д. Боброва)

М. А. Кузмин.
Рис. Н. И. Кульбина
1913 г.

А. А. Блок. Фото 1913 г.